

Тоня

**Илья Ильф
Евгений Петров**

- [Ильф Илья, Петров Евгений](#)

-

Ильф Илья , Петров Евгений

Тоня

Илья Ильф и Евгений Петров

Путевые очерки

Тоня

Два самых больших события в жизни Тони произошли почти одновременно. Не успела она свыкнуться с замужеством, как надвинулось новое событие. Константина Степановича Говоркова, ее мужа, послали на службу в город Вашингтон, и Тоня вместе со своим Костей поехала в Америку.

На Белорусско-Балтийский вокзал Тоню пришли провожать две подруги - Киля и Клава. Они были веселые, насмешливые девушки, но здесь, среди интуристов и носильщиков, стеснялись и все время спрашивали Тоню:

- Значит, едешь?

Тоне тоже было не по себе, и она уныло повторяла:

- Так вы пишете, девочки.

- Как я тебе завидую, - говорила Киля. - Ты счастливая. Будешь жить в Нью-Йорке.

- Не в Нью-Йорке, а в Вашингтоне, - поправляла Тоня. - Нью-Йорк это не столица, а мы будем жить в столице.

- Ты счастливая, - повторяли Киля и Клава. - Там, наверно, очень интересно.

- Я думаю, - скромно отвечала Тоня.

Муж, Костя Говорков, часто забежал в свое купе и смотрелся в зеркало. Его мучило, что он купил слишком большую шляпу, не по голове. Шляпа все время налезала на уши и как-то обидно подчеркивала этим юность тов. Говоркова. Поэтому, возвращаясь на перрон, он держал шляпу в руке и, чтобы не заметили его смущения, строго говорил молодой жене:

- Тоня, иди в купе, ты простудишься.

Девочки и в самом деле немножко завидовали. Сейчас подруга уедет в далекую таинственную Америку, а они пойдут на свою расфасовочную фабрику упаковывать перец, соду и шафран в

картонную тару. И так будет каждый день, в то время как Тоня... Лучше было даже не думать о Тонином счастье.

- Так ты пиши, Тонька! - громко и тоскливо крикнули они вслед уходящему поезду.

- Так вы пишете, девочки! - донеслось к ним из сырого железнодорожного мрака.

Ехать через Европу было интересно и жутко. В Польше из окна вагона Тоня в первый раз за свою жизнь увидела помещика. Он ехал в бегунках. Это был толстый усач в брезентовом плаще. Он строго обозревал свои тощие овсы.

Костя тоже никогда еще не видел помещиков, И молодожены долго следили за этой странной фигурой, как бы возникшей из учебников политграмоты.

Очень часто менялись страны. В вагон входили то польские таможенники и жандармы, то немецкие, то бельгийские, то французские. Тоня боялась этих людей. Они были грубоваты и торопливы, какими, видно, уж полагается быть таможенным чиновникам во всем мире. Но Тоне казалось, что эта суровость направлена специально против нее и Кости, что вот они схватят ее милого Костю и куда-то потащут его вместе с паспортами, билетами и деньгами. Что она тогда будет делать? Без паспорта, без денег и билета? Кроме того, она не знала ни польского, ни немецкого, ни французского. Английского она тоже не знала. Английский язык немножко знал Костя.

- Шоколад? Сигареты? - прокричал французский таможенник ужасным голосом.

- Нон, нон, - ответил Костя. - Шоколад нон. И сигареты нон.

Тогда француз неожиданно ушел; даже не взглянув на чемоданы.

Но самое страшное было впереди. Пароход. Он стоял в Шербурге, высокий, черный, с толстыми желтыми трубами. Это был "Маджестик".

- "Кюнард Уайт Стар лайн", - с удовольствием объяснил Костя по-английски, когда молодожены, устроившись в каюте, вышли на палубу. - Пятьдесят шесть тысяч тонн. Английское пароходство. Теперь, Тонечка, я буду все время практиковаться в английском языке.

И он стал говорить в уме английскую фразу, с которой собирался обратиться к матросу: "Скажите, пожалуйста, в котором часу отойдет

этот пароход?" Матрос занимался совсем не матросским делом - раздавал пассажирам для подкрепления сил чашки с горячим бульоном. Не успел Костя составить в уме английскую фразу, как матрос вежливо подал ему чашку и ушел. Этим практика и ограничилась.

Путешествие через океан длилось шесть дней. Каждую полночь стрелки всех пароходных часов сами отскакивали на час назад, каждый полдень пассажиры толпились у карты, где указывалось местонахождение "Маджестика" в океане; по вечерам в столовой показывали кинокартины, а в салоне происходили танцы.

Два дня стояла свежая погода. "Маджестик" немного покачивался, и пассажиры залегли в своих каютах. Но на третий день океан внезапно стих, влажные палубы заблестели под солнцем, и появилось много новых людей. Среди них супруги Говорковы заметили трех молодых пассажиров в больших шляпах, которые так же, как у Говоркова, налезали на уши, и в совершенно одинаковых новых синих костюмах с коротковатыми брюками. Галстуки у них тоже были одинаковые - узкие, вязаные, с веселенькой черной полоской посередине. Молодые люди говорили между собой по-русски. Тотчас же состоялось знакомство, и Косте так и не пришлось на пароходе практиковаться в английском языке. Небольшая советская колония уже не расставалась ни на минуту. Трое синих молодых людей ехали в Америку работать и учиться на филадельфийском заводе Бада. Они очень обрадовались Говорковым и переменили столик, чтобы обедать рядом с ними.

Заказав обед, Костя заметил, что новые друзья беспомощно смотрят в обеденную карточку, что к ним уже два раза подходил официант и уходил, не дождавшись заказа. Тут молодые практиканты сознались, что им известна только одна английская фраза: "Айм вери плэд ту си ю", что значит: "Я очень рад вас видеть", но до сих пор не могли применить эту фразу с пользой. Уже два дня как они заказывают еду наугад. Ткнув пальцем в меню и ждут, что из этого выйдет. Ничего хорошего до сих пор не выходило. Какие-то странные получались у них обеды: то одни закуски, то сразу после супа сладкое, а наевшись сладкого, согласитесь сами, неловко требовать мясо. К тому же неизвестно, как оно называется, это мясо.

Костя объяснил практикантам, что на правой стороне меню напечатаны вообще все блюда, какие только есть на пароходе, - закуски, супы, вторые, сладкие и так далее. А на левой стороне - рекомендованный завтрак или обед. Можно сразу заказать то, что напечатано слева. И получится полный обед без недоразумений.

- Значит, прямо нахально заказывать левую сторону? - переспросили практиканты.

- Прямо и нахально, - подтвердил Костя.

Так они и сделали. И в первый раз за всю дорогу съели правильный обед, где блюда чередовались в естественной и освященной веками последовательности.

С этого времени, садясь за стол, инженеры громко сговаривались:

- Значит, берем левую?

- Берем левую.

А после обеда говорили:

- Сегодня левая ничего. Подходяще.

Или:

- Что-то сегодня левая сплеховала. Не наелся.

Молодые механики так уверовали в Костю, что в кинозале непрерывно расспрашивали его о действующих лицах:

- А это что за человек? Почему он внезапно ушел?

На это Костя смутно отвечал:

- Это, наверно, ее любовник.

- А тот толстый чего добивается?

- Кто его знает! Я что-то не разберу. Звук очень громкий.

В вечерних балах практиканты не принимали участия, хотя и учились в свое время в школе западных танцев. Они стеснялись.

- Ну его, - говорили они. - Тут какие-то банкиры пляшут, фабриканты. Неудобно.

Тоне очень хотелось танцевать. И тут произошел ужасно неприятный случай.

Однажды вечером вся компания сидела в салоне и, пересмеиваясь, следила за танцами. Вдруг к Тоне подошел седой господин в смокинге и брюках с узким черным лампасом. Он радостно оскалил фарфоровые зубы и сказал что-то по-английски. Тоня ужаснулась, жалобно посмотрела на Костю и пошла танцевать со страшным стариком, по всей вероятности банкиром.

Пока Тоня кружилась в вихре западного танца, практиканты поддразнивали Константина Степановича Говоркова.

На следующий танец старик пригласил какую-то американскую старуху с голой костистой спиной. Как видно, ему было все равно с кем танцевать, и танцевал он скорее с гимнастическими целями, чем для удовольствия.

Так проходили дни. За завтраком и обедом ели "левую сторону", а вечером сидели в кино. К концу путешествия Тоня во второй раз танцевала с неугомонным стариком, который подготовил для нее неожиданный эффект. Прощаясь с Тоней после танца, он опять обнажил фарфоровые зубы и сказал по-русски: "Трасите", что, как видно, означало "здравствуйте".

Практиканты после этого подшучивали над Тоней, утверждая, что старик в нее влюбился.

Утром, перед самым приходом в Нью-Йорк, Тоня взяла в почтовом салоне цветную открытку с изображением "Маджестика", рассекающего океанские волны, и села писать подругам:

"Здравствуйте, дорогие Киля и Клава! Вот мы проехали Атлантический океан и приезжаем сегодня в Нью-Йорк. Вся дорогу было очень весело, пароход ужасно громадный. У нас появилась масса знакомых, и мы все время вместе. Я все время танцую с одним иностранцем и смотрю заграничные кинокартины. Что у нас делается нового на фабрике? Привет всем. Ваша Т.

Эта открытка пойдет из Америки назад на этом же пароходе. Ваша Т."

Она наклеила на открытку английскую марку с головой короля Георга Пятого, и ей даже стало жалко Килю и Клаву. Она и на пароходе, она и с банкиром танцевала, и вообще столько нового, а они по-прежнему упаковывают перец и шафран.

Нью-Йорк был еще еле различим в сияющем тумане солнечного утра, а близость земли уже ощущалась во всем. Стюарды вытаскивали на палубы кожаные сундуки и чемоданы, чайки взволнованно пищали, сопровождая пароход. Пассажиры были взволнованы не менее чаек. Они собирались кучками, пытаясь разглядеть далекие здания знаменитого города. Все вдруг стали страшно разговорчивыми, заговорили даже те, которые всю дорогу сурово молчали.

У подножия "Маджестика" остановился парходик с иммиграционными властями. По трапу быстро взбежали американские чиновники в зеленых мундирах. В высоком золотом салоне первого класса началась проверка паспортов. Пассажиры стали в длинную очередь. "Маджестик" двинулся вперед малым ходом. Низко над ним пролетел белый спортивный гидроплан. Нью-Йорк, который еще чае назад походил на скалистую горную цепь, незаметно приблизился. Узкие отвесные скалы превратились в дома. Уже можно было считать этажи. Когда в стаде небоскребов практиканты отыскиали дом в сто этажей, Костя Говорков сдернул с головы шляпу и радостно закричал:

- Ну, тут я уже ничего не могу сказать!

Тоня молчала. Она крепко держалась руками за некрашенный деревянный сырой поручень и смотрела вниз, на пристань "Кюнард лайн", где тысячи людей махали платками медленно надвигавшейся морской громадине.

Последние минуты на пароходе прошли в лихорадке. Прежде всего потерялись друзья-практиканты. Иммиграционный чиновник что-то громко и сердито говорил Тоне, держа в руках ее паспорт. Тоня в это время быстро думала про себя:

"Ну, не пустят в Америку, ну, не надо, поеду домой, честное слово, нисколько не жалко". Но оказалось, что все в паспорте правильно и что иммиграционный чиновник со всеми разговаривает громко и сердито. Потом Говорковы, держась за руки, как дети, сошли вниз по сходням и попали в большой таможенный зал, в крик, галдеж, в тархтенье багажных тележек. Тоня боялась, что в этой толчее им не найти своего багажа. И уже ей было жалко своего нового платья, которое Костя купил в Париже за сто семьдесят франков, и фотографий Кили и Клавы с их собственноручными надписями.

Костя растерянно бормотал:

- Сейчас мы возьмем автомашину и поедем прямо на Пенсильвения-стейшен.

Внезапно чемоданы нашлись, и таможенный чиновник наклеил на них ярлыки. Все делалось само собой. Чемоданы попали на конвейер и поехали вниз, в вестибюль.

Внизу тоже стоял крик. Кричали носильщики, пассажиры, продавцы газет. Кричали шоферы таксомоторов, высовывая головы из

окошек. Говорковых кто-то втолкнул в такси вместе с их багажом, и, ошеломленный, но не потерявший присутствия духа, Костя крикнул шоферу:

- Пенсильвания-стейшен!

Только через полчаса, уже сидя в пульмановском вагоне поезда Нью-Йорк Вашингтон, Тоня сообразила, что проехала самый большой город в мире. Но что это был за город, она не смогла бы сказать. В памяти остался только грохот, ветхий таксомотор, в котором играло радио, мрак и блеск каких-то неизвестных улиц.

Костя был доволен. Как-никак, и приехали куда надо, и сели в тот поезд, в какой надо было сесть. Одно его мучило всю дорогу до Вашингтона - сколько дать на чай кондуктору-негру, который очень любезно уложил говорковские чемоданы в багажную сетку и приколот проездные билеты к спинкам вращающихся кресел.

Впоследствии выяснилось, что Костя сделал много ошибок. Во-первых, слишком быстро сошел с парохода и не подождал курьера из консульства, приехавшего его встречать; во-вторых, купил дорогой пульмановский билет, когда по его достаткам ему следовало взять "кош", отличающийся от пульмана только тем, что пассажиры сидят там не на вращающихся креслах, а на неподвижных кожаных диванчиках; в-третьих, после долгой душевной борьбы он дал негру доллар, а надо было дать четверть доллара.

На вашингтонском вокзале Говорковых встретил секретарь полпредства с женой. Все страхи кончились.

Приехавших усадили в большую полпредскую машину и повезли по широким улицам, обсаженным толстыми деревьями, вдоль нескончаемого ряда автомобилей, стоявших у обочин тротуаров. Говорковы ехали по асфальтовым проспектам, прорезавшим сады и парки.

Жена секретаря, Наталья Павловна, показывала Тоне на прекрасные правительственные здания и называла их, но в Тониной голове был уже полный сумбур. Пароход, волнения на пристани, гремящий Нью-Йорк, старый негр в поезде, теперь Вашингтон - этого было слишком много для одного дня.

Говорковым уже была приготовлена комната, очень чистая, белая, с белой мебелью, с ванной и с собственной маленькой кухней. Тут была красивая белая газовая плита и электрический холодильный

шкаф. Все это казалось таким привлекательным, что Тоне сразу захотелось заняться хозяйством. Но их уже тянули показывать парадные апартаменты полпредства. Они переходили из зала в зал, над ними вспыхивали хрустальные люстры, шаги были неслышны на толстых коврах. Тоня с удовольствием села в позолоченное кресло. Ноги уже не несли ее.

Костя оказался железным человеком. Он не чувствовал усталости. Он обошел все комнаты, добросовестно спрашивая, что тут помещается, в то время как Тоня, блаженно отдыхая в кресле, смотрела на картину, где в снежном облаке неслась русская тройка и молодой ямщик, поднявшись во весь рост, нахлестывал лошадей.

Секретарь показал рукой на потолок и сказал:

- А наверху живет наш полпред.

И он с уважением помолчал.

Через полчаса, на вечеринке, которую секретарь устроил в честь прибытия новых членов маленькой советской колонии, железный Костя бойко говорил по-английски, что у него не выходило на "Маджестике", и беспрерывно танцевал, вознаграждая себя за пароходный аскетизм. Ему было так хорошо, будто он и не выезжал из Москвы. Он танцевал и с женой советника - Марьей Власьевной, и с конторщицей - американкой мисс Джефи, и с хорошенькой Натальей Павловной. Тоня тоже танцевала, несмотря на усталость. Вообще все было чудесно. Зашел на минутку военный атташе, и все, кроме, конечно, Говорковых, принялись дразнить его, спрашивая, какое звание будет ему присвоено.

- Да вот жду, - отвечал атташе. - Сам еще не знаю, кем буду.

- Наверно, в комбриги метите?

- Хорошо, если полковника дадут, - с усмешкой отвечал атташе. -

Вы, товарищи, как видно, не представляете себе, что такое полковник. Это громадный чин по моим годам. Полковник в тридцать шесть лет! Мне нравится.

Вечеринка была настоящая московская. Гости сели за стол, на который было выложено все, что нашлось в доме. И совсем уже по-московски стояли бутылки с нарзаном. В перерыве между танцами Говорков, томно опустившись на диван, раздавил две граммофонных пластинки. И так же, как и в Москве, целый час стояли в передней,

прощаясь, говоря друг другу: "Так вы захаживайте!" "Обязательно". - "Да и вы к нам, смотрите".

Ночью у Тони началась рвота. Утром приехал доктор и сказал, что Тоня беременна.

Тоню уже на вчерашней вечеринке все называли Тонечкой, а когда распространилось известие о ее беременности, то окончательно полюбили ее.

Костя, начавший работу шифровальщика, сидел в своей шифровальной комнате по целым дням и лишь изредка забегал домой, чтобы поцеловать Тоню или наговорить ей какой-нибудь ласковой чепухи. Но Тоня не скучала.

На второй день вашингтонской жизни жена советника, Марья Власьевна, большая, немного грустная женщина, повезла Тоню в Маунт-Вернон посмотреть домик Джорджа Вашингтона.

Проехав по мосту тихую и широкую реку Потомак, они очутились на многополосной бетонной дороге, которая проходила мимо больших выхоленных парков. Светилась подстриженная трава лужаек. По обе стороны дороги низко над землей шли барьеры из волнистых необработанных древесных стволов. Тоню поразило это нарочитое и элегантное сочетание предельно гладкой поверхности бетона с грубыми, покрытыми корой, сучковатыми барьерами, как бы напоминавшими о жизни первых английских пионеров в девственной стране.

На этой дороге особенно поражала тишина. В обе стороны с большой скоростью неслись колонны автомобилей. Но не слышно было сигналов и тарахтенья моторов. Только ветер влетал в открытое окно и доносилось граммофонное шипенье. Это терлись шины о шероховатую поверхность бетона.

По дороге Марья Власьевна расспрашивала Тоню об ее жизни в Москве. Она узнала все про расфасовочную фабрику, где Тоня работала, про ее подруг и про знакомство с Костей. Оказалось, что Тоня никогда не выезжала из Москвы, любила ходить в театр, играла роли в драматическом кружке и даже хотела бы стать актрисой. Тоня окончила только школу-семилетку. Она любит художественную литературу, но "Как закалялась сталь" еще не успела прочесть. Так мало произошло событий в жизни Тони, что за полчаса езды до усадьбы Вашингтона она успела рассказать о себе все.

Марья Власьевна посмотрела на дом Вашингтона с плохо скрытым равнодушием. Когда кто-нибудь приезжал в Вашингтон на один-два дня, его всегда возили в Маунт-Вернон, и делала это обычно Марья Власьевна как самая добрая.

Вокруг прославленного дома среди цветников толпились туристы с кодаками на животах и, опустив головы, щелкали затворами. Тоня с Марьей Власьевной обошли маленькие комнаты с навощенными полами, где тускло блестела старинная мебель, поднялись наверх в спальню и увидели кровать с ситцевым пологом, на которой почивал когда-то великий человек. Здесь было тихо, чисто, давно отлетела отсюда бурная жизнь, когда во двор влетали гонцы на запаренных лошадях, когда сколачивались Соединенные Штаты Америки. Осталась только идиллия старосветской помещичьей жизни, как будто здесь жил не страстный Джордж Вашингтон, а какие-то американские Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, мистер энд миссис Товстогуб.

За домом был старинный парк, спускавшийся к реке. К бревенчатой пристани, которой пользовался еще Вашингтон, вели дорожки, выложенные плитами. Туристы и здесь фотографировали своих жен и детей.

На обратном пути Марья Власьевна сказала Тоне:

- Вам надо, Тонечка, сразу же чем-нибудь заняться. Может быть, учить английский язык, даже поступить в колледж. Или что-нибудь в этом роде. Все-таки будете меньше скучать. Одного хозяйства вам не хватит, чтоб заполнить весь досуг.

- Почему же я буду скучать? Здесь очень интересно. Мне кажется, что я никогда в жизни не заскучаю в Америке, - ответила Тоня.

Она так восторженно произнесла это, что даже грустноватая Марья Власьевна радостно улыбнулась.

И началась Тонина жизнь в Соединенных Штатах.

Утром Тоня шла в лавку, покупала немного зелени, заранее нарезанные бифштексы и упакованные в прозрачную бумагу хлебцы. Приказчик уже знал ее в лицо, называл ее "леди", и достаточно было Тоне показать на что-нибудь пальцем, как он сразу догадывался о ее желаниях.

В своей белой кухне Тоня ходила в тонком резиновом фартуке с резиновой же оборкой, который подарила ей на новоселье красивая и

светская Наталья Павловна, и стряпала обед для Кости. В рефрижераторе у нее совсем по-американски лежали три грейпфрута, яйца, бутылки с молоком, масло. Одна беда - стряпать было так легко, что на изготовление обеда уходило не больше часу. Урок английского языка, к сожалению, тоже отнимал только час.

Костя много работал. Быстро пообедав, он снова устремлялся в шифровальную комнату, а Тоня выходила в общий коридор и стучалась к кому-нибудь в дверь, просилась в гости.

За неделю Тоня прочла все русские книги, которые достала у новых друзей. Люди здесь селились не на всю жизнь - библиотеки их были в Москве, Ленинграде, Харькове, только не в Вашингтоне.

Сидя с мужем по вечерам, Тоня удивленно говорила:

- Знаешь, Костя, мы живем здесь уже целых двенадцать дней.

- Что ты говоришь? - удивлялся Костя. - А я и не заметил.

Он не заметил, как прошло двадцать дней, потом двадцать пять.

Тоне из канцелярии принесли письмо. Оно было от Кили и Клавы, ответ на давнишнюю открытку с "Маджестика". И тут Тоня вдруг поняла, как далеко она заехала от Москвы.

Подруги восторгались фотографией "Маджестика", писали, что живут как прежде, и посылали горячий привет. Тоня заплакала, неизвестно отчего - то ли от радости, то ли от печали, сейчас же села писать ответ и уже весь день ходила скучная, задумчивая.

Вечером Костя с женой и Натальей Павловной отправились в кино.

Зал кино был громаден и тяжеловесно богат. Из сумрака просвечивало алтарное золото украшений. По темному залу неслышно бегали худенькие франтоватые капельдинерши с электрическими фонариками, указывая вновь вошедшим свободные места. К ножкам кресел, стоящих у проходов, были прикреплены маленькие лампочки. Они бросали на пол слабый желтый свет. Это было сделано для удобства зрителей, входящих или выходящих из зала. Кресла были мягкие. В зале разрешалось курить. Медленные прохладные ветерки веяли на лица зрителей. Здесь температура воздуха регулировалась автоматически. На улице была удушающая жара, воняло асфальтом и бензином, на улицах был тяжелый вашингтонский август, а в зале стоял апрель, даже пахло фиалками.

И в первый раз за все время (они побывали в кино уже раз десять) Тоне не понравилась картина, хотя она была ничуть не хуже других картин, - музыкальная комедия, сюжет которой заключался в следующем:

В большом мюзик-холле готовится новая программа. Две соперницы претендуют на главную роль в этой программе - красавица брюнетка с отталкивающим характером и красавица блондинка с привлекательным характером. Директор, комик, не знает, кому отдать предпочтение. Начинается соревнование. Брюнетка лихо откаблучивает чечетку. Потом выступает блондинка и выбивает чечетку еще лучше. Тогда брюнетка танцует совсем уже превосходно. Но не побить ей положительной блондинки. Блондинка снова вырывается на сцену и поражает директора невиданной чечеткой. Подавленный, он подписывает контракт с блондинкой. Противная брюнетка посрамлена, тем более что блондинка еще выходит замуж за богатого красавца.

Когда Тоня в первый раз увидела подобную картину (только там блондинка была бедная провинциальная телефонистка, которая приезжает в Нью-Йорк и внезапно, без всякой подготовки, начинает танцевать лучше всех балерин на свете), она была очарована исходившим от картины сиянием великолепной техники, чистотой фотографии и звука, бешеными чечетками, которые выбивали длинноногие красавицы. Ей запомнились мотивчики, их хотелось повторять. И, приготавливая Косте брекфест, она даже мурлыкала слабеньким голоском какие-то куплеты, совсем американка в своем резиновом фартучке.

Но эта, десятая, картина ничего не добавляла к тому, что Тоня уже видела. Картина начала ее как-то смутно раздражать. Тоня даже не понимала еще, почему это так вышло. Танцуют замечательно, музыка в конце концов очень мелодичная, актрисы подобраны самые красивые, но все это, вместо того чтобы веселить душу, почему-то омрачало ее.

В этот вечер Тоне многое вдруг не понравилось в столице. Улицы были лишены названий, продольные обозначались буквами алфавита, поперечные - цифрами. Какая-то алгебра. Улица "М" угол 27-ой или - 39-я угол "Б".

- Мы живем на углу А плюс Б в квадрате, - сказал Костя. - Хоть бы назвали какую-нибудь улицу Гипотенузой. Все-таки веселее было бы. Или, например, площадь Пифагоровых Штанов.

- Говорков, не говорите гадостей, - сказала Наталья Павловна.

- А я считаю, - вмешалась вдруг Тоня, - что гадость - это улица "Ф", угол улицы номер 1. Где вы живете? Я живу на улице номер 2. Очень интересно.

- Вы, Тонечка, не очень спешите со своими выводами, - сказала Наталья Павловна. - Алгебра алгеброй, а на этой самой алгебре стоят очень удобные дома.

- Да нет, я ничего такого не хочу сказать, - ответила Тоня. - Но у меня как-то сегодня вечером настроение неважное. И картина тоже, как все остальные. Позавчера была картина "Е", а сегодня - "Ф". Нет, не нужно больше ходить в кино. Давайте пойдем на будущей неделе в театр. Посмотрим какую-нибудь серьезную пьесу.

- Что вы, Тонечка, - сказала Наталья Павловна. - В Вашингтоне нет ни одного театра. Зимой иногда приезжает на гастроли какая-нибудь труппа, даст несколько спектаклей и уедет. А постоянного театра здесь нет.

- В столице Соединенных Штатов, - с удивлением переспросила Тоня, - нет ни одного театра?

- Ни одного. Только кинематографы.

- Прямо нахально с их стороны, - заметил Костя.

- С чьей стороны? - сказала спокойная Наталья Павловна. - Живут себе люди как им нравится - вот и все. Детка, тут дело ясное. Если бы театр был выгоден - существовал бы театр. Но оказалось, что кино дело более прибыльное - и театра нету. Ясно?

- У них все ясно. Как в медном тазу, - буркнул Костя. - Ничего, Тонечка, вернемся в Москву, пойдем в Художественный.

Дома Тоня села дописывать письмо.

"Сейчас пришла из кино, где смотрела заграничную кинокартину. Она называется "Так думают девушки". Там много танцуют фокстроты, чарльстоны и другие западные танцы. Вообще было очень весело".

Тоня печально и гордо улыбнулась и приписала:

"Можно было обхохотаться".

Написать иначе было совестно. Подруги так много ожидали от ее заграничной жизни, что просто не поверили бы ей, подумали бы, что она ломается: и то ей не нравится, и се.

Осенью, когда на прекрасных улицах А, Б, В и прочих стали падать с деревьев листья, Тоня почувствовала, что ее уже не развлекают сияющая кухня и английские уроки. Она стала приставать к Косте, чтобы он устроил ей какую-нибудь работу.

- Ты же знаешь, Тонечка, - смущенно говорил Костя, - у нас очень маленький штат. Мне даже говорить об этом неудобно. Вот если бы мы жили в Нью-Йорке, тогда другое дело. Устроилась бы в Амторге. Потерпи. Кроме того, тебе уже скоро рожать, вот будет у нас мальчик...

- Или девочка, - запальчиво вставила Тоня.

- Девочка? Тем лучше. Она вырастет, к ней будут ходить подруги, а я буду за ними ухаживать. Серьезно, Тоня. Будет ребенок - тебе станет веселее.

Предстояли большие расходы. Нужно было купить приданое для младенца, кроватку, коляску, ванночку, мало ли что. Кроме того, Тоне и Косте нужны были пальто. Молодые супруги решили экономить.

Еще когда Говорковы ехали в Америку, они задумали из первого же жалованья купить патефон с пластинками. Теперь от этого пришлось отказаться.

Тоня перестала ездить на уроки английского языка в автобусе и совершала этот путь пешком. Кстати, ей было полезно много ходить. Она часто останавливалась у витрины музыкального магазина и рассматривала приглянувшийся ей патефон в красивом голубом чехле. Ничего, не страшно - сначала ребенок, потом патефон.

Костя тоже был такого мнения. Вообще он не терял своей веселости. Только одно его огорчало. Он стал часто простуживаться.

- Привык я к московскому морозу, а здесь зимой тепло. Наверно, от этого, объяснял Костя.

В январе два раза выпадал снег и сейчас же таял. Киля и Клава продолжали аккуратно писать короткие письма, в которых каждый раз сообщали, что ничего нового не произошло - ходят на каток, в клуб Кухмистерова, собираются раз в шестидневку у Кили на вечеринки. За Клавой стал ухаживать член союза композиторов, командированный на фабрику для ведения музыкального кружка. Открылся зимний

однодневный дом отдыха, и кто хочет, может ходить на лыжах. А Лена Бачкова сделалась стахановкой, перекрыла все нормы и на Октябрьскую годовщину получила в подарок ленинградский патефон и десять пластинок, в том числе "Спасибо, сердце" и "Гопак" из оперы "Сорочинская ярмарка" в исполнении симфонического оркестра.

"Но тебе это, наверно, все неинтересно, - писали Киля и Клава. - Ты, конечно, веселишься не так, как мы, и, наверно, нас уже забыла".

Тоне вдруг так захотелось в однодневный дом отдыха, так захотелось посмотреть, как композитор ухаживает за Клавой, так захотелось в узкий и непомерно длинный клуб Кухмистерова, что она весь день пролежала в постели. И когда Костя вечером стал звать ее в кино, чтобы немножко развлечь, она отвечала:

- Никуда я не пойду.

- Это же знаменитый фильм, - уговаривал Костя. - Стоил два миллиона долларов. Я сам читал в "Вашингтон Пост".

- Хоть три миллиона. Отстань от меня, пожалуйста.

В конце января с Говорковыми стряслось громадное, почти непоправимое несчастье.

Обычно во время полпредских приемов, на которые приглашались представители искусства, науки и промышленности, Костя с непривычки чувствовал себя очень стесненным. Он в смокинге стоял где-нибудь подальше, с напряженным видом отпивая коктейль из бокала и до тошноты накуриваясь сигаретами "Тройка". Но в последний раз Костя вдруг осмелел и вступил в разговор с толстым, очень симпатичным американцем. Костя с удовольствием заметил, что уже довольно свободно говорит по-английски. Не хватало только темы, не о чем, собственно, было говорить с этим американцем. Тут Косте вдруг посчастливилось. Он вспомнил свои вечные простуды и стал жаловаться на вашингтонский климат.

- О, - сказал американец, - вы молодой человек. У вас этого не должно быть. Все простуды происходят от гланд. Их надо немедленно удалить. Поверьте моему опыту, мистер...

- Говорков.

- ...Мистер Говорков. Я позволю себе, мистер Говорков, рекомендовать вам своего врача. Он очень опытный человек и вырежет ваши гланды так, что вы этого даже не почувствуете. Вам даже будет приятно.

Костя поблагодарил обязательного толстяка. Американец вытащил блокнот и что-то записал.

Потом беседа потекла как-то сама собой. Выпили несколько коктейлей и расстались, очень довольные друг другом. Придя домой, Костя хвастался своими успехами в языке и светском обращении.

- Всему понемножку научаемся, - говорил Костя, - осваиваем и эту область.

Утром Говоркова позвали в канцелярию к телефону, и незнакомый голос сообщил, что говорит секретарь мистера Саммерфильда.

- Слушаю, - с удивлением сказал Костя.

- Вы вчера имели беседу с мистером Саммерфильдом относительно доктора. Доктор с удовольствием приехал бы к вам, но так как удаление гланд - все-таки операция, хотя и маленькая, то доктор просит вас заехать к нему сегодня в пять часов дня.

Косте очень понравилась эта чисто американская аккуратность, и он просил передать мистеру Саммерфильду чувство живейшей благодарности.

В половине пятого, никому не сказавшись и попросив для шика у завхоза самый большой полпредский автомобиль, Костя поехал по записанному им адресу.

Доктор очень понравился Косте. Во-первых, он абсолютно не походил на доктора. Это был элегантно одетый господин с модными черными усиками и пробором посредине головы. У него были длинные, худые и нервные пальцы крупье. С круглым зеркалом на лбу, он был невероятно красив и обаятелен.

Благожелательно похлопав Костю по плечу, доктор надел халат с перламутровыми пуговицами, посмотрел Костино горло и сказал, что лучше всего было бы гланды удалить, но что, вообще говоря, можно жить с гландами. Но Костя с горячностью, которой сам от себя не ожидал, заявил, что согласен расстаться с гландами. Уж очень ему надоели простуды.

Тотчас же в комнате появились ассистент и сестра милосердия, и доктор молниеносно вырезал мистеру Говоркову гланды электрическими щипцами. Не то чтоб это было приятно, как утверждал мистер Саммерфильд, но во всяком случае не слишком больно.

Тоня жалела Костю. Один день он пролежал в постели, хотя чувствовал себя прекрасно. Лежал и питался только мороженым. Все-таки это было событие. Тоня читала ему вслух газеты, и оба были счастливы.

Через неделю на имя мистера Говоркова пришел в канцелярию пакет. Это был счет от доктора. Взглянув на него, Костя ничего не понял. Счет был на двести долларов.

- Тут какая-то ошибка, - сказал он Тоне и пошел к Марье Власьевне узнать, что бы это могло значить.

- Конечно, какая-то чепуха, - сказала Марья Власьевна, - удаление планд стоит долларов двадцать пять, не больше. Тут, наверно, написано двадцать долларов, а лишний нуль попал по ошибке.

- Да и это дорого, - возмутился Костя, - это же громадная сумма, двадцать долларов. Ну, я еще понимаю, четыре доллара или пять.

- Позвольте, позвольте, - сказала Марья Власьевна, надевая пенсне и снова рассматривая счет. - Вы у кого были? Как? Доктор Пичинелли? Кто вас к нему направил? Алексей Дмитриевич, зайди к нам на минутку. Тут прямо беда случилась с товарищем Говорковым.

В комнату вошел советник. Он взял в руки счет и с недоумением посмотрел на Костю.

- Слушайте, Говорков, какой дурак послал вас к Пичинелли?

- Все не дурак, - обиделся Костя за своего нового друга, - а мистер Саммерфильд.

- Ну, знаете, - сказал советник, - вы бы хоть спросили кого-нибудь, посоветовались.

- А что тут советоваться? - сказал Костя. - Это же пустяки, какая-то планда.

- Гланда-то пустяки, а важно здесь, что доктор Пичинелли лечит очень богатых людей. А вы еще попали к нему по рекомендации Саммерфильда, миллионера. Естественно, что он и вас считает миллионером.

- А я еще приехал к нему на "кадиллаке", - пробормотал Костя.

- Вы бы к нему еще на "ройсе" приехали, - воскликнул советник. - Придется вам заплатить двести долларов.

- Как двести? Марья Власьевна говорила: двадцать!

- Возможно, что эта операция стоит только двадцать долларов, но Пичинелли берет за нее двести.

- Не буду я платить! - закричал Костя. - Это абсурд.

- Да, - сказал советник, - получается поганое дело. Но придется заплатить. Тут никаких разговоров не может быть.

- Это грабеж, - простонал Костя. - Да ведь если в Москве рассказать - не поверят.

- Конечно, не поверят. Вы там в Москве привыкли лечиться бесплатно. Но здесь нет советской власти. Это Америка. Будете знать на практике, что такое капитализм.

Доктор Пичинелли произвел в бюджете Говорковых страшные разрушения. Чтобы ему заплатить, пришлось отказаться от зимних пальто, от коляски и чудной кровати, которую Тоня уже присмотрела в детском магазине. Кроме того, пришлось еще взять авансом в счет жалованья восемьдесят долларов. Это была настоящая катастрофа.

Как Тоня ни утешала Костю, сознание того, что он совершил непоправимую глупость, заставляло его страдать. В светлой комнатке Говорковых сделалось грустно. Вместо замечательной кровати стояла самая обыкновенная люлька, какую покупают для своих младенцев бедные негритянки.

Денег не было ни копейки, а главное еще только надвигалось: Тоня готовилась рожать.

И опять все было так непохоже на Москву, что Костя иногда даже хватался за голову. Почему в Москве все происходило как-то просто, даже думать об этом не надо было? Подходит время - и рожаешь. И все бесплатно.

И вообще в представлении Кости роды или болезнь никогда не были связаны с деньгами. Ну рожаешь, ну болеешь. Кто-то за все это платит. Кажется, соцстрах. Костя никогда об этом не думал.

- Я отказываюсь рожать в подобной обстановке, - запальчиво воскликнула Тоня.

- У нас на службе рожала одна сотрудница, - сказал Костя. - Что-то три или четыре месяца гуляла. С сохранением содержания. - Он даже засмеялся, так ему понравились прогулки с сохранением содержания.

Молоденькие супруги, которые еще очень мало знали жизнь, сейчас сидели, притаившись в своей комнате, и вспоминали Москву. Как же это раньше они не ценили, не думали об этом? Они жили, ничего не замечая, все принимая как должное, как что-то

естественное, что полагается людям. Не может не полагаться. А здесь за все надо платить.

После трагической истории с пландами Костя сделался осторожным. Он все узнавал наперед. Но от этого ему не стало легче. Хотя Говорковы и выбрали недорогую лечебницу, все-таки платить надо было много. В счет ставили и предварительную консультацию, и отдельно сиделку, и отдельно сестру, и доктора, и лекарства, ну, одним словом, все.

Когда Костя, очень тревожившийся за Тоню, заикнулся было о том, что не плохо пригласить хоть один раз профессора, ему назвали такую сумму, что он злобно пробормотал себе под нос:

- Нет, профессор пусть Моргана лечит. Да и детей пусть рожают миссис Морган. Я вижу, что тут это удовольствие не для пролетариата.

Тоня, которая с пионерских лет понимала, что такое капитализм, и не раз даже делала о нем маленькие докладчики в школе и на фабрике, вдруг столкнулась с ним в жизни. И, представьте себе, она страшно рассердилась. Капиталистическая система мешала ей жить. Хотя ей вредно было волноваться, она каждый вечер взволнованно ругала эту систему.

- Почему вы сердитесь? - говорила ей Марья Власьевна. - Мы живем за границей десять лет. Мы уже привыкли.

Теперь Тоне уже ничто не нравилось. Не нравилось даже то, что совсем недавно казалось ей удобным и красивым. Ей не нравились прекрасные улицы, превосходные магазины, автомобили.

- Ну да, - говорила она со страстностью, которой ей в свое время так не хватало на докладах в политкружке, - это все для богатых. А что для бедных? Вы мне скажите, что для бедных, если даже мы с Костей, люди, обеспеченные постоянным заработком, с трудом можем свести концы с концами? А рожать мы не можем.

- При таких условиях мы не можем рожать, - подтверждал Костя.

- Я уеду рожать в Москву, - говорила Тоня со слезами. - Честное слово. Вот увидите.

Но никуда она не поехала. Ребенок родился все-таки в Вашингтоне, и, совершенно разоренные, погрязшие в долгах, Говорковы безмерно радовались. Мальчик был крупный и весил восемь английских фунтов, что, как всем докладывал Костя, равняется

девяти старым русским фунтам. Назвали младенца Вовкой. Как родившийся на американской почве, Вовка по законам мог стать американским гражданином, а впоследствии имел право быть избранным в президенты. Возможный президент Соединенных Штатов и юный советский гражданин, как и полагается, все время спал.

В торжестве приняла участие вся колония.

Первой явилась Марья Власьевна, катя перед собой лакированную коляску, напоминавшую своими обтекаемыми формами междупланетный снаряд. Тоня, принявшая так много мук, томная и счастливая, не удержалась и заплакала. Коляска была та самая, которую она присмотрела в магазине.

Потом в передней раздался грохот. Это Наталья Павловна уронила кроватку, которую она купила вскладчину с морской атташихой. И это тоже была воплощенная в жизнь мечта.

Военный атташе принес прекрасную дорогую игрушку, но почему-то для ребенка лет шести - большую лошадку с настоящей волосатой шкурой, хвостом, челкой и удивленными стеклянными глазами. Полковник был холостяком и не очень разбирался в детских делах.

Каждому входящему Костя говорил:

- Нет, серьезно, товарищи, это не годится. Такие расходы. Что вы, товарищи!

Он еще больше растрогался, когда вошла совсем мало знакомая, молодая американочка мисс Джефи, которая работала в канцелярии стенографисткой и машинисткой и ни слова по-русски не знала. Мисс Джефи подошла к коляске и тоненьким голоском сказала:

- Гау ду ю ду, беби.

Костя развел руками и воскликнул:

- Ну, тут я уже ничего не могу сказать.

Мисс Джефи поднесла младенцу резиновую погремушку и, улыбаясь, отступила.

Внесли цветы от полпреда, а через несколько минут пришел он сам. Полпред торопился на дипломатический прием, был во фраке и держал в руке цилиндр. Очень элегантный, с простым русским лицом и седыми висками, он постоял минуту над кроваткой новорожденного, поздравил Говорковых и сказал:

- Любительский ребеночек. Теперь, Тонечка, вам уже нельзя будет скучать. Придется развлекать этого маленького джентльмена.

Так оно в первое время и было. Неизвестно кто кого развлекал - Тоня ли Вовку или он ее, только время пошло незаметно. Постепенно затянулись бюджетные раны, нанесенные доктором Пичинелли и администрацией родильного дома. Но только через десять месяцев, когда Вовка уже выучился стоять и, как веселая обезьянка в клетке, тряс прутья своей усовершенствованной колыбели, бюджет Говорковых пришел в равновесие.

Летом выехать с Вовкой на дачу все-таки не удалось - оказалось дорого. Костя то уверял Тоню, что Вашингтон сам по себе дача и ехать никуда не надо, то вдруг начинал сердито бормотать, что, мол, пусть Морган едет на дачу, нюхает там чистый воздух, а они уж как-нибудь проведут душное лето в этом симпатичном городе, где двести пятьдесят тысяч автомобилей без перерыва наполняют воздух бензиновыми испарениями.

Это было тяжелое лето, и Тоня на целые дни увозила Вовку в его междупланетном снаряде в прекрасный парк по другую сторону реки Потомак. И сидела там среди негритянских нянь, которые баюкали белых младенцев.

Осенью пришло толстое письмо от Кили и Клавы. Из конверта выпали газетная вырезка и любительская фотография размером в открытку. На фотографии была изображена Кили в красивом ситцевом сарафане, как видно исполняющая русскую народную пляску. В поднятой руке она кокетливо держала платочек. Рядом с ней, в сапогах и косоворотке, стоял красавец, в котором Тоня не без волнения узнала Петра Передышкина с соседнего завода. Судя по остолбенелым взглядам танцоров, фотограф-любитель заставил их стоять не двигаясь по крайней мере десять секунд. "Здравствуй, Тоня, - писали подруги, - почему от тебя так долго ничего не слышно? Мы так и знали, что ты про нас забудешь в своей Америке. Но мы тебя вчера вспомнили и все-таки решили написать. У нас нет ничего нового, живем как жили, без особенных интересов. Ты, наверное, читала в американских газетах, что в Москве открылся театр Народного творчества. У нас на фабрике еще весной образовался самодеятельный коллектив, и на прошлой неделе он выступал в этом театре. Исполнили "русскую", а на бис "казачок". Страшно было,

просто ужас. И Кили танцевала соло с тов. Передышкиным, которого ты, конечно, узнаешь на фотографии. А так ничего нового нет, только я, Клава, вышла замуж за композитора, который руководит у нас музыкальным кружком. Его фамилия Миша Григорьев, но подписывается он под своими произведениями Иван Лесной. Но он еще пока кандидат в члены союза композиторов. Но его обязательно примут, так как он пишет симфонию из моей жизни. Он сказал мне, что я представляю тип новой женщины. Вообще он очень веселый и все время всех разыгрывает. И я его люблю довольно сильно. В общем, как видишь, ничего особенного у нас не происходит. В августе мы вдвоем поехали с экскурсией ОПТЭ в Крым. Облазили весь южный берег и подымались на Ай-Петри. Такой там ветер был на вершине, ужас. Но восход солнца действительно мировой. Мы были очень довольны, что побывали на Ай-Петри. Нашу фабрику переводят в новый корпус, потому что вся эта улица сносится совсем и совершенно правильно. Одна грязь была. Теперь, когда ты приедешь, то даже не найдешь тех мест, где прошла наша молодость. Уже мы все взрослые. Киле уже девятнадцать лет, а мне скоро исполнится восемнадцать. Просто ужас. По этому случаю у нас намечается большая вечерка. Жаль, тебя не будет. Жаль, что мы еще не видели твоего Вову. Он, наверно, красивый мальчик, и мы шлем ему сердечный привет. Тонечка, ты веселись-веселись, но все-таки нас не забывай. Твои К. и К.

Да, вырезку, пожалуйста, нам верни. У нас есть только один экземпляр. Твои К. и К."

Вырезка была сильно истрепана и, как видно, побывала во многих руках. Синим карандашом были обведены строчки:

"Коллектив 1-й расфасовочной фабрики блеснул виртуозно исполненной русской пляской. Стахановка Калерия Коршунова совместно с тов. Передышкиным обнаружили яркий, красочный талант и имели заслуженный шумный успех. Так в недрах народа выковываются новые, свежие, яркие, красочные таланты".

Тоня не выдержала и зарыдала, густо и страстно, как цыганка.

Тут сказало все. И утомление молодой матери, которая ни на минуту не может отлучиться от ребенка, и одиночество среди шума и блеска большого города, и самая обыкновенная здоровая зависть. Чем она хуже Кили и Клавы? Она всегда танцевала лучше Кили. и это

знала вся фабрика. И, конечно, она тоже могла бы выступать в театре Народного творчества, вместо того чтобы сидеть в этом тоскливом, да, тоскливом, провинциальном Вашингтоне, где некуда пойти.

В Москве у нее всегда было множество дел, времени не хватало. Она вспомнила, что всегда куда-то торопилась, боялась опоздать. И дела были какие-то интересные, веселые. А если не веселые, то нужные, значительные. А здесь она жила, как в больнице - чисто, благоустроено, и безумно хочется на свободу.

Когда Костя вернулся, Тоня еще рыдала, горько и безнадежно. Говорков ужасно испугался. Тоня была всегда сдержанным и терпеливым человеком, никогда ни на что не жаловалась. И тут Костя прочел письмо и сразу понял, что Тоня несчастна и надо что-то сделать.

Встревожена была вся крошечная советская колония.

- А все потому произошло, - говорил советник, - что Тонечку не охватили, что у нас нет еще настоящей заботы о людях.

- Ну что ты такое говоришь? Не охватили... - возразила Марья Власьевна. Тонечку все очень любят. Но как ее охватить, когда она весь день прикована к ребенку? Сам знаешь, няньку они нанять не могут - это дорого. Бесплатных ясель, как в Москве, в Америке нет. Кажется, взрослый человек. Здесь не советская страна. Виноват, конечно, и товарищ Говорков. Нужно жене уделять немножко больше внимания.

- Что я могу сделать, товарищи? - жалобно оправдывался Говорков. - Тонечка женщина очень простая. Но она у нас там в Москве привыкла, например, к серьезным пьесам, где разбираются всякие там актуальные вопросы. А здесь?.. Когда-то еще приедет из Нью-Йорка на гастроли хороший театр. И так далее. Конечно, не охватили. Конечно, скучает. Она молодая, настоящей закалки у нее еще не может быть. Она не понимает, что это надо рассматривать, как зимовку где-нибудь на острове Врангеля. Послали тебя - и работай. Сиди два года в полярной ночи.

- Если бы была работа. В том-то и дело, что работы у нее нет.

- Ну, пусть занимается, учится.

- Оставьте, пожалуйста. Легко вам говорить, Наталья Павловна, когда у вас нет детей. Вам хорошо, вы скоро колледж кончите. Нет, с Тонечкой что надо сделать? Надо ее охватить.

- Да, но как?

Как "охватить" Тоню - никто не знал.

Тоня уже не скрывала своего отчаяния, ходила заплаканная.

- Я ее отлично понимаю, - бравым голосом говорил военный атташе. - Этому, товарищи, есть специальное название. Ностальгия. Тоска по родине. В конце концов мы все этим больны. Все мы живем тем, что когда-нибудь отсюда уедем. Честное слово, товарищи, если бы мне сказали, что я здесь должен остаться на всю жизнь, - я, вы знаете, товарищи, восемь лет воевал и человек не сентиментальный, - я бы заплакал. Что же вы хотите от Тонечки, которая привыкла к советским условиям жизни? Конечно, ей здесь трудно.

Костя всячески старался проводить дома как можно больше времени. Он выгонял Тоню в кино, а сам оставался с Вовкой. Он так наострился, что купал его с ловкостью старой няньки, а потом убаюкивал песней: "По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед". Под эти воинственные звуки Вовка засыпал так же быстро, как если бы пели "Гуленьки, гуленьки, прилетели гуленьки".

В кино Тоня ходила с милой, всегда приветливой и веселой мисс Джефи. Эту дружбу наладил умный Костя, сообразив, что с американкой Тоня будет развлекаться и в то же время говорить по-английски. Тоня очень подружилась с мисс Джефи. После кино они заходили вместе в аптеку, усаживались за высокую стойку и ели мороженое, которое подавал им рыжий продавец в белой полотняной пилотке с синим кантом. В аптеке, сидя за стойкой на высоких рояльных табуретках, подруги вели задушевные беседы.

Аптечный бармэн проворно работал: выжимал машинкой сок из апельсинов, накладывал в большие бумажные стаканы мороженое для покупателей "на вынос", жарил сладкие блины на раскаленной электричеством металлической доске, тут же приготавливал шипящий напиток от головной боли и со звоном вытаскивал чеки из автоматической кассы. При этом он успевал еще бросить Тоне и мисс Джефи, постоянным посетительницам, поощрительные взгляды. Весь его вид говорил, что все будет хорошо, все будет "олл райт", главное - не надо терять жизнерадостности. А молодые женщины, аккуратно расстелив на коленях бумажные салфетки и облокотясь о прилавок, подолгу болтали. Тоня еще не очень свободно говорила по-английски, поэтому они часто друг друга не понимали и, выяснив ошибку, долго

и сердечно смеялись. Вообще их аптечные беседы выглядели не совсем по-американски. Американцы не любят засиживаться за едой. А Тоня и мисс Джефи сидели иногда по два часа.

Тоня рассказывала о своей жизни в Москве, о своих подругах Киле и Клаве, рассказала однажды, что они недавно были в Крыму.

- Краймиа! - воскликнула мисс Джефи. - Но ведь это очень далеко от Москвы.

- Ну, что ж такое? - рассудительно сказала Тоня. - Они были в отпуску. С экскурсией.

- Они поехали туда на автомобиле?

Тоня даже засмеялась.

- Что вы, Линии! Откуда у них автомобиль? Потом, у нас ведь пока нет таких дорог, к которым вы привыкли. В Крым едут поездом. Очень удобно и быстро. А уж в самом Крыму есть все для туристов - и автобусы, и специальные туристские базы. Вот вам хорошо, Линии. У вас превосходные дороги, автомобили. Вы, наверно, уж объездили всю Америку?

К удивлению и даже замешательству Тони, мисс Джефи сказала, что не только не объездила Америки, но даже ни разу не была в Нью-Йорке, хотя до него лишь четыре часа. Была она только в Филадельфии, в гостях у тетки, провела у нее рождество.

- Это не так-то легко, Тоня, - сказала мисс Джефи. - Чтобы поехать в Калифорнию или во Флориду, надо много денег и времени. Нет, путешествовать могут только богатые люди. Или безработные, странствующие в поисках заработка. Я знаю, мне уже несколько раз говорили. Иностранцы почему-то считают, что мы, американцы, много путешествуем. Но в большинстве случаев мы всю жизнь сидим на одном месте и не видим ничего, кроме своих контор. Деньги я трачу на квартиру, на еду. Мне надо прилично одеваться. Лишних денег у меня никогда в жизни еще не было.

Наговорившись вдоволь, американка провожала Тоню домой и подымалась с ней наверх, чтобы посмотреть ребенка. И всегда они заставляли одну и ту же картину. Вовка спал, а рядом с ним сидел серьезный Костя и читал "Вашингтон Пост".

Мисс Джефи наклонялась над кроваткой, тоненьким голосочком говорила "гуд найт, беби" и уходила домой. Она была такая опрятная, завитая, так нежно улыбалась, что всегда представлялась Тоне

чистенькой, деловитой певчей птичкой, обитающей в веселой клетке, где аккуратно налита чистая вода в цинковую чашечку и рассыпана блестящая конопля.

На Октябрьскую годовщину Тоне был приготовлен большой сюрприз. Вся колония снова и долго обсуждала судьбу Тони, и все единогласно решили - младенец Вовка останется на попечении Марьи Власьевны и Кости, а Тоня с Натальей Павловной поедут на два дня в Нью-Йорк и праздник проведут среди многочисленных сотрудников Амторга.

Программа была очень интересная. Утром седьмого ноября они отправятся на детский праздник в советскую школу, днем будут осматривать город, а вечером состоится торжественное заседание и танцы в генеральном консульстве. Там будет человек триста советских людей. После вашингтонского затворничества поездка в Нью-Йорк казалась почти поездкой на родину.

Приехали вечером шестого числа и ночевали у друзей Натальи Павловны. Это были пожилые люди, муж и жена Ведмедевы. Тоня им обрадовалась, словно это были ее дядя и тетя. Ведмедевы сейчас же потащили молодых женщин на Бродвей. От бродвейского света и шума Тоня затихла. Гуляли долго, и все это время супруги посматривали на Тоню с таким видом, будто это они, Ведмедевы, зажгли над Бродвеем миллиарды электрических огней и сами построили небоскребы.

После прогулки ужинали у гостеприимных хозяев. Молодые женщины уже собирались идти спать, когда в комнату вошел румяный одиннадцатилетний мальчик и серьезно сказал с легким английским акцентом:

- А теперь вы можете осмотреть мои игрушки.

Он, как видно, терпеливо ждал конца ужина.

Игрушек было много, но все они представляли собой огнестрельное оружие: револьверы, ручные пулеметы, маленькие винтовки, трещавшие и даже извергавшие огонь. Старый Ведмедев закричал:

- Вот так он целый день. Стреляет. Американские мальчики только этим и занимаются. Других игр у них нет. Просто с ума сошли. Бегают в кино смотреть гангстерские картины, а потом сами изображают бандитов. И мой Ленка туда же.

- Нет, я только в свободное от школьных занятий время, - серьезно отвечал мальчик.

- Школу мы устроили хорошую, - продолжал Ведмедев. - Не пожалели денег. Но ведь после школы не запрешь его дома. Особенно этот Дэвид, сын парикмахера, обучает моего типа.

- Ты ошибаешься, папа, - серьезно сказал Ленька, - Дэвид - хороший мальчик. Тут виноваты условия капиталистического общества.

- Слышали? - радостно закричал Ведмедев. - Это уже влияние нашей школы. А рядом с этим игрушечные пулеметы. Какой у меня мальчик вырастет в этой Америке, я даже не понимаю.

- Ох, - простонала Ведмедева, - скорей бы уж домой, в Харьков!

Утром поехали в Бруклин. По коридорам и лестницам школы бегали дети с красными пионерскими галстуками. Запыхавшиеся, озабоченные мамы раскутывали маленьких дошкольников, приглашенных в гости, и шепотом спрашивали, как отвести их в уборную. Все шло так, словно вокруг не было никакого Нью-Йорка, а торжество происходило где-нибудь на Сивцевом Вражке или на Усачевке, только малыши из нулевого класса, скверно говорившие по-русски и лепетавшие по-английски с настоящим нью-йоркским акцентом, свидетельствовали о том, что дело происходит все-таки не в Москве.

Торжественное собрание началось в самом большом классе. Председатель Амторга сказал короткую серьезную речь, в которой объяснил детям, что за день они празднуют. Потом выступил генеральный консул, речь которого все время прерывал его двухлетний сын Витя, бурное дитя в пушистом шерстяном костюме. Увидев своего папу, стоявшего перед большой аудиторией и время от времени взмахивавшего рукой, Витя взволновался и крикнул:

- Папа, я хочу к тебе.

Он кричал до тех пор, покамест ему срочно не понадобилось выйти. Только это обстоятельство дало консулу возможность закончить свою речь с необходимой плавностью.

- А теперь, товарищи, - сказал заведующий школой, - приступим к веселью.

Начались выступления детей. Самые маленькие декламировали английские стихи; более взрослые пели хором партизанские песни и

даже разыграли крохотную пьесу, сочиненную школьником шестого класса. В пьесе участвовали: король, воины и рабочие. Король был в бумажной золотой короне. В течение всего действия его душил смех, и другие актеры бросали на него сердитые взгляды,

Затем началась раздача подарков отличившимся школьникам. Леня Ведмедев тоже получил подарок. Но про него заведующий школой сказал, что он учился только хорошо, в то время как по способностям мог бы учиться отлично. Тогда Леня выступил вперед и, держа в руках две книги Джека Лондона на английском языке, которые ему поднесли, серьезно сказал:

- Теперь я обещаю учиться отлично, потому что у меня действительно хорошие способности.

Это всех рассмешило, даже самого Леню.

Получив подарки, дети сейчас же принимались их распаковывать и рассматривать.

Одному мальчику поднесли роликовые коньки, и про этого мальчика заведующий школой сказал:

- С ним произошло несчастье. На него напали американские мальчики и отобрали у него коньки. Он очень страдал от этого. Но так как он прекрасно учился, то мы дарим ему новые.

Однако осчастливленному мальчику предстояло еще одно испытание. Когда он возвращался на свое место, сжимая коньки в руках, на него напал шерстяной мальчик Витя и, крича дребезжащим голосом: "Дай", стал выдирать у него подарок. К счастью, маленьким гостям тоже стали раздавать подарки, и Витя, выпустив ролики, бросился получать своего резинового Микки Мауса.

Вечером приступили к веселью и взрослые. Торжественное заседание открылось в большом зале консульства. Пришли все, кто только мог явиться. И сотрудники Амторга, и инженеры, находящиеся в командировке по различным техническим делам, и команда советского парохода, который как раз в эти дни грузился в нью-йоркском порту.

Снова председатель Амторга сказал речь; консул тоже говорил опять, но никто не мешал ему на этот раз, потому что Витя уже спал. Хорошо было в этот вечер. Все чувствовали себя связанными друг с другом, как экипаж одного корабля, справляющего праздники в далеком океане.

После официальной части, как водится, началась неофициальная. Долго танцевали, весело и шумно. Тоня веселилась, как когда-то у себя на 1-й расфасовочной. Если бы только ее подруги Киля и Клава знали, что она танцует в первый раз за всю свою американскую жизнь. Ничего бы они не поняли и, наверно, очень удивились бы.

Вашингтонские красавицы, Наталья Павловна и Тоня, пользовались несомненным успехом. В соседнем зале на длинных столах стояли закуски, водка, родимый нарзан. Но Тоня ничего не ела и не пила. Не было времени: ее непрерывно приглашали танцевать, и ей жалко было отказаться. Когда-то еще она увидит живых людей в таком количестве!

Внезапно она заметила в толпе своих старых знакомых трех неразлучных практикантов, с которыми когда-то Говорковы познакомилась на "Маджестике". И они ее увидели и сразу узнали.

- Ну, как "левая"? - уже заранее хохоча, спросила Тоня.

- Замечательно! - в один голос ответила троица. - Все в полнейшем порядке. Олл райт.

Это были уже не застенчивые и костлявые юнцы в мешковатых синих костюмах. Впрочем, костлявые они были и сейчас, даже еще костлявее стали, они просто выросли, сделались старше. У одного даже появились молодые нахальные усики. Другой курил сигару.

На них были хорошо сшитые дешевые костюмы из магазина готового платья, тесные воротнички, прочные ботинки. Руки их были покрыты мозолями и царапинами. Они казались настоящими американскими механиками.

- Гау ду ю лайк Америка? - спросила Тоня. - Как вам нравится Америка?

Она ожидала услышать знакомое: "А бог с ней, с этой Америкой. Скорее бы уж добраться домой". Но, к ее удивлению, молодые инженеры в один голос закричали:

- Замечательная страна. Чертовская техника. А как работают!

- Честное слово, посмотришь на какой-нибудь завод - и как это все у них просто получается. А за этой простотой такая организация производства, что нет слов, ну, я вас уверяю, Тоня, просто нет слов.

- Мы тут кое-чему подучились. У них есть чему учиться.

Вообще встреча с Тоней вызвала у них дикий восторг. Они наперебой острили, рассказывали о своей работе, о поездках, часто

вставляли английские слова и целые фразы, мешали друг другу. С Тоней они танцевали по очереди.

Один из них, тот, который курил сигару, вышел в соседний зал и поспешно, так как боялся пропустить танец, выпил шесть рюмок водки. С этой минуты он все время хохотал и уже не мог танцевать. И это его еще больше смешило. Остальные два практиканта с увлечением рассказывали Тоне, какой громадный технический опыт они получили на заводах Бада в Филадельфии и как они собираются использовать этот опыт в Союзе. Они засыпали Тоню техническими выражениями. И, самое удивительное, Тоня их понимала. Она все понимала в этот вечер и всем восхищалась. Если бы еще выйти на улицу, да чтоб эта улица оказалась не 61-м стритом угол Пятой авеню, а какой-нибудь Пятницкой, да еще у Москва-реки, да еще с видом на Кремль - совсем было бы хорошо.

Молодые инженеры проводили Тоню, Наталью Павловну и Ведмедевых до самого дома. Они шли пешком через весь Манхэттен, весело горланили у подножий небоскребов. Инженеры подвели компанию к Радио-сити и долго разъясняли женщинам методы возведения столь громадных зданий. Главным оратором внезапно оказался подвыпивший хохотун с сигарой (он никак не мог ее докурить в течение всего вечера). При виде здания, вершина которого терялась в утреннем тумане, он неожиданно протрезвел и прочел настоящую лекцию о механизации строительных работ.

На другой день вечером американизировавшиеся молодые люди явились к Ведмедевым, потребовали, чтобы Тоня и Наталья Павловна отправились вместе с ними "разлагаться".

- Надо, надо разлагаться, - деловито твердили они. - Что ж, мы так и уедем, не разложившись? Просто безобразие. Полтора года работали в этой Филадельфии как звери, позавчера приехали, а завтра уже уезжаем.

- Снова в Филадельфию? - спросила Тоня.

- Какая там Филадельфия, - радостно сказал практикант с нахальными усиками. - Домой, а не в Филадельфию! Я - в Москву, Коля - в Свердловск, а Семен - в Златоуст.

И инженеры вытащили из карманов целые комплекты проездных документов. Тут были и билетные листы, величиной в платежную ведомость, и зеленые анкеты, и свидетельства для американской

таможни, и разноцветные багажные ярлыки со шпагатиками, чтоб привязывать их к ручкам чемоданов.

- Завтра в два тридцать садимся на "Иль де-Франс". Сбрею свои знаменитые мировые усики и уже через девять дней в Москве.

Тоня перебирала билеты внезапно похолодевшими пальцами. Близость Москвы, реальность этого города, которую она уже перестала было ощущать, - эта Москва снова овладела ее мыслями. Столько она думала об этой Москве, столько мучилась, а практикантам нашлась сказать только обыкновеннейшую фразу: "Вы счастливые". И она вспомнила, что когда-то эти же слова прокричали ей на прощанье Киля и Клава в сыром железнодорожном мраке.

Инженерам очень хотелось "разлагаться", но они не знали, как и где это делается. Помочь им взялся старый Ведмедев. Бормоча жене: "Неудобно все-таки, Анюта, надо людям показать город", он быстро оделся и вывел компанию на улицу.

- Слава богу, - объяснял он, - уже пять лет в Нью-Йорке и знаю все досконально. Мы едем в Гарлем, негритянский район. Я его знаю досконально. И зайдем в какой-нибудь "найт клуб", какой-нибудь такой, знаете, вертепчик где-нибудь в райончике 126-й улицы. Или, кажется, 127-й. Там на месте разберемся.

- Сядем на такси! - крикнул инженер с усиками. - В чем дело? Разлагаться так разлагаться.

Но старый Ведмедев не допустил этого.

- Слушайте меня, старого нью-йоркца. В такси будем ехать целый час. Вы находитесь в городе, где целый миллион автомобилей. Следовательно, пользоваться автомобилем здесь бессмысленно. Это самый отсталый, медленный вид транспорта. Сядем в "собвей" и будем в Гарлеме через пятнадцать минут.

Ночью Гарлем со своими безнадежно-прямыми, грязноватыми и слабо освещенными улицами все-таки создал у экскурсантов впечатление тайны. Это настроение изо всех сил раздувал старик Ведмедев.

- Тут есть улица, - говорил он шепотом, - где живут только проститутки. Я знаю это досконально. Проститутки, бандиты и убийцы. Сейчас мы как раз к ней подходим. Внимание, товарищи!

Наталья Павловна, которая только и ждала случая, чтоб завизжать, с ужасом схватила Ведмедева за руку. Тоня почувствовала

страх. Молодые инженеры выпрямились, стараясь придать себе вид бывалых шкиперов. Один Ведмедев чувствовал себя, как рыба в воде.

Они свернули на какую-то улицу, обстроенную старомодными двухэтажными домами, где каждая квартира имела свое собственное высокое каменное крыльцо с десятком ступеней, спускавшихся прямо к тротуару.

- Вот оно, - зашептал Ведмедев. - Тут что ни женщина, то проститутка или еще хуже.

Навстречу взволнованным туристам прошла старая негритянка с корзиной.

- Как? - спросила Наталья Павловна. - Вот эта старая почтенная женщина?

- Представьте себе, - ответил Ведмедев. - Вы не знаете этой улицы. Содом и Гоморра.

Щелкнула дверь, и на одно из крылец вышла большая негритянская семья: папа, мама, трое детей и бабушка.

- Интересно, - язвительно заметил Семен из города Златоуста.

- Ну, не будем здесь задерживаться, - заторопился старый Ведмедев.

- А что? Могут убить? - иронически спросил Коля, любитель сигар.

Наталья Павловна хихикнула.

- Смейтесь, смейтесь, - обидчиво сказал Ведмедев. - Семья - это случайность. Тут что ни дом, то притон. Идем дальше.

Навстречу стало попадаться все больше и больше людей. Шли старые негры под ручку со своими женами и молодые негры подозрительно постного вида. Наконец обнаружилось, что все они идут из церкви. Тут кстати кончилась страшная улица. Компания вышла на широкую Седьмую авеню.

- Я, кажется, немного спутал, - произнес Ведмедев. - Но это неважно. Ведь я здесь был, собственно, только один раз, когда приехал в Нью-Йорк. Ездили тогда разлагаться. Вот как мы сейчас. Так что пойдем, товарищи, куда глаза глядят. Тут всюду интересно и всюду атмосфера порока.

На Седьмой авеню светились электрические рекламы ночных ресторанов, бродили молодые люди с дерзким выражением лица и в

светлых шляпах набекрень; на углах стояли черные проститутки; в тени домов блестели металлические гербы и пуговицы полисменов.

В конце концов друзья попали в ночное заведение под названием "Черная кошка". Старик Ведмедев сначала зашел один и, выяснив, что шампанского здесь можно не требовать и что обязательный заказ равняется двум долларам на человека, пригласил всех войти. Мулаты в красных мундирах приняли шляпы и макинтоши гостей.

Компания вошла в небольшой зал, посредине которого помещалась площадка для танцев, отделенная барьером от стоящих вокруг столиков. Людей было мало, шесть - восемь столиков были заняты, остальные пустовали. Любезный негр с подносом, пританцовывая, отвел компанию к столику у самого барьера.

На скользком паркете танцевальной площадки стояло красное пианино на колесиках. Официанты подвозили его по очереди ко всем столикам, и тучный негр с крючковатым носом, заглядывая в глаза посетителям, с чудесной легкостью наигрывал синкопированные мелодии. Официанты в мундирах пританцовывали, опираясь локтями на пианино. Дошла очередь до ведмедевской компании. Пианист, склонившись корпусом и головой к самому столику и закатив желтоватые белки глаз, тихо и проникновенно запел негритянскую песню: "Я хотел бы умереть в Каролине". И официанты грустно ему подпевали, покачивая подносами.

Тоне стало неловко, что такой толстый важный негр поет специально для них. Но потом негра повезли дальше, к следующему столику, и компания почувствовала себя свободнее. Опытный Ведмедев заказал для всех "джин-фис", крепкую смесь джина с лимонным соком.

- Разлагайтесь, разлагайтесь, - уговаривал он. - Все равно, даже если вы закажете только содовую воду, возьмут по два доллара с человека. Так что стесняться нечего.

На тесной эстраде расселся негритянский джаз; на площадку выбежал невероятно толстый мулат в цилиндре и лихо застучал ногами в лаковых туфлях. За ним выскочили десятка полтора голых мулаток с перьями на поясе. Они тоже стучали каблуками и вращали бедрами. Настучавшись и навращавшись, они убежали, чтобы снова вернуться через несколько минут. Потом три негра в белых цилиндрах виртуозно отбивали чечетку.

Ведмедев потребовал вторую порцию "джин-фиса". Инженеры смиренно сидели и иногда подмигивали друг другу, как бы говоря: "Здорово мы разлагаемся".

Девушки выбегали еще несколько раз, а потом наступил антракт, когда танцевала публика. Но инженерами овладел рецидив застенчивости, и они не танцевали. Когда вышли на мокрую и темную улицу, Семен из Златоуста бодро сказал:

- Теперь все в порядке. Программа выполнена полностью. Если спросят, будет что ответить. Нетолько копались на заводе. Видели и кое-что другое.

Прощались долго и задушевно. Семен все уговаривал Тоню обязательно съездить в Златоуст, который якобы необыкновенный город.

- Чего вы тут сидите? - доказывал он. - Зачем вам Америка? Ведь тут дикая скука.

Все трое повернули в сторону своего отеля, и долго еще над затихшими стритами слышался их шумный разговор.

Вернувшись в Вашингтон, Тоня нашла, что Вовка немного вырос, хотя она не видела его только два дня. Но вообще больше ничего не изменилось, и Тонина жизнь сделалась еще труднее. За два нью-йоркских дня Тоня отвыкла от своего заточения в комнате или в парке вместе с Вовкой. Надо было привыкать с самого начала. Но Тоня чувствовала, что никогда уже не привыкнет к американской жизни.

Она завидовала мисс Джефи, всегда веселой, энергичной, работающей.

"Ей хорошо, - думала Тоня, - она у себя на родине".

Тоня не любила жаловаться посторонним людям, но однажды вечером, когда Костя ушел разбирать дипломатическую почту, а Вовка уже спал, она не сдержалась и рассказала мисс Джефи о своей тоске.

Обычная улыбка сошла с лица мисс Джефи. Она с удивлением смотрела на Тоню, долго молчала и сказала наконец:

- Дорогая Тоня, вы счастливая молодая женщина. Да, Америка очень скучная страна. Но ведь вы в конце концов отсюда уедете. Мне хуже, чем вам, Тоня. Мне даже ехать некуда. Это моя родина. Куда я могу поехать? Я проживу здесь всю свою жизнь. Я, наверно, никогда не выйду замуж. Мужчины не любят теперь жениться. Это дорого. А

если даже выйду замуж, то детей у нас, конечно, не будет. Это тоже дорого. У нас человек не может быть человеком. Это слишком дорого.

Тоня была поражена. Веселая, вечно улыбающаяся мисс Джефи - и вдруг такие страшные слова. Ей стало немножко совестно, как бывает совестно человеку, который заключен на небольшой срок, перед человеком, заключенным на всю жизнь.

Весь вечер они сидели, не зажигая огня и жалуясь друг другу. А потом попудрились и пошли в аптеку напротив покушать мороженого у веселого рыжего парня в белой пилотке.

Теплая мокрая зима подходила к концу.

Как-то, темным утром, Тоня подошла к окну и увидела, что идет снег. Он быстро таял и лежал только на крышах автомобилей. Все шло обычно. Костя позавтракал и ушел. Вовка, как всегда, не хотел мыться и плакал. Предстоял обыкновеннейший день.

И вдруг Костя вернулся. Он вернулся назад так скоро, что вряд ли успел дойти до канцелярии. Но нет. Он был там. И даже принес оглушительную новость. Его срочно переводят в Москву.

- Тут я уже ничего не могу сказать! - возбужденно кричал он.

Вот и все. Так просто, неожиданно, а главное, быстро решила судьба Тонина. Вовка не мог понять, откуда привалило к нему такое неслыханное счастье: мама так и не помыла его в это утро, и он весь день бродил с немой физиономией, спотыкаясь о разложенные на полу чемоданы, таща за собой мамины платья и папины галстуки.

Через две недели поезд Париж - Негорелое вышел с польской станции Столбцы и двинулся к советской границе. На полустанке Колосово он на минуту задержался. Еще на ходу стали соскакивать польские жандармы в щеголеватых шубках с серо-собачьими воротниками. Поезд очень медленно прошел еще несколько метров. Тоня с замиранием сердца стала протирать стекло и увидела во мраке зимнего вечера деревянную вышку, на которой стоял красноармеец в длинном сторожевом тулупе и шлеме. На минуту его осветили огни поезда, блеснул ствол винтовки, и вышка медленно поехала назад. Часового заваливало снегом, но он не отряхивался, неподвижный, суровый и величественный, как памятник.